

А. М. ЩЕРБАК

# ФОРМЫ ЧИСЛА У ИМЕН В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Ни в одном из тюркских языков нет особой формы ед. или двойств. числа. Специальный морфологический показатель имеется лишь у формы мн. числа, и он почти единственный — *-лар*. В чувашском языке нет аффикса *-лар*, и соответствующее значение выражает аффикс *-сэм*. К названным двум аффиксам тюркологи добавляют несколько других, выделяемых в древнетюркском языке или реконструируемых на уровне праязыка.

1. 1. Аффикс *-лар* известен на протяжении всего периода, засвидетельствованного в письменных источниках начиная с VIII в., и имеет много фонетических разновидностей, появившихся вследствие ассимиляции конечными согласными основы его начального согласного, вследствие выпадения согласных и действия гармонии гласных, см.: *-лор*<sup>1</sup> ~ *-лэ* ~ *-ла* ~ *-тар* ~ *-тор* ~ *-дар* ~ *-дор* ~ *-дар* ~ *-зар* ~ *-рар* ~ *-нар* ~ *-нор* ~ *-на* ~ *-а* ~ *-лär* ~ *-tär*<sup>2</sup> [наибольшее число разновидностей — в якутском языке (16), в тулейкенском говоре киргизского языка (15)<sup>3</sup>, в алтайском и киргизском языках (12)]<sup>4</sup>.

Объем употребления аффикса *-лар*, особенности его дистрибуции и характер выражаемых значений таковы, что можно с большой уверенностью говорить о нем как о морфологическом элементе, прошедшем длительный путь развития и бесспорно присутствовавшем в тюркском праязыке. Отсутствие его в чувашском, по всей видимости, результат довольно поздних преобразований чувашского языка<sup>5</sup>, происходивших при активном участии нетюркского субстрата.

Вопрос о происхождении аффикса *-лар* ставился многими тюркологами и алтаистами<sup>6</sup>, однако удовлетворительного решения не получил. Здесь

<sup>1</sup> Здесь и ниже приводятся только варианты по твердому ряду.

<sup>2</sup> Разновидности аффикса *-лар* с долгим гласным отмечены в качинском диалекте хакасского языка (см.: Д. Ф. П а т а ч а к о в а, Способы выражения категории множественности в качинском диалекте хакасского языка, «Уч. зап. [Хакасского НИИЯЛИ]», X, Серия филолог., Абакан, 1964, стр. 4).

<sup>3</sup> М. Т у р я д ж а н о в а, Тулейкенский говор киргизского языка. Автореф. канд. диссерт., Фрунзе, 1954, стр. 12.

<sup>4</sup> О фонетических разновидностях аффикса *-лар* в тюркских языках и диалектах см.: В. А. Б о г о р о д и ц к и й, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, Казань, 1953, стр. 160 и сл.; Н. К. Д м и т р и е в, Категория числа, ИСГТЯ, II, М., 1956, стр. 65 и сл.; А. Ф. Фуломо в, Узбек тилида кўплик категорияси, Тошкент, 1944, стр. 9—12; К. Д ы й к а н о в, Имя существительное в киргизском языке, Фрунзе, 1955, стр. 76; Р. А. Р у с т а м о в, О монографическом изучении диалектов азербайджанского языка, «Вопросы диалектологии тюркских языков», II, Баку, 1960, стр. 87; А. И ш а е в, *-Лар* аффиксининг Мангит шевасидаги вариантлари, «Узбек тили ва адабиёти масалалари», 1961, 4; М. И. Б о р г о я к о в, Некоторые фонетические и морфологические особенности белтырского говора хакасского языка, «Уч. зап. [Хакасского НИИЯЛИ]», X, Серия филолог., стр. 54.

<sup>5</sup> См.: К. G r ö n b e c h, Der türkische Sprachbau, Kopenhagen, 1936, стр. 71.

<sup>6</sup> Библиографию и краткий обзор этимологий см.: Т. K o w a l s k i, Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes *-lar, -lär* in den Türkssprachen, Kraków, 1936, стр. 23—32; W. K o t w i c z, Les pronoms dans les langues altaïques, Kraków, 1936, стр. 28—30; A. D i l â ç a r, Türk diline genel bir bakış, Ankara, 1964, стр. 156—158.

следует заметить, что этимологизация морфологических показателей редко раскрывает их действительную историю: процесс лексической десе-мантизации слова при превращении его в морфологический элемент и развитие самого морфологического элемента связаны, как правило, со значительной деформацией выразительной стороны, делающей почти невозможным установление ее первоначального облика, ср.: узб. *-jan* < *-a + jamin* (кэ́лҗант́и «он приходит в настоящий момент» < кэ́лэ́ jamint́и); узб. (ташкент.) *-vza* < *-miz + -lar* (э́лду́вза «мы взяли» < э́лдімі́злар).

Ниже мы рассмотрим лишь те попытки этимологизации аффикса *-лар*, которые так или иначе выходят за пределы тюркских языков.

Г. Рамстедт связывал аффикс *-лар* с аналогичным по значению аффиксом *-nar* в монгольских языках, а этот последний — с монгольским словом *\*nar* «совокупность», сохранившимся, по его мнению, в якут. *nār*, «вместе с, совместно»<sup>7</sup>. Согласно предположению Н. Поппе, аффикс *-лар* образовался в результате сложения двух других аффиксов мн. числа: *\*-ла* (ср. тунг.-маньчж. *-л*) и *\*-р*<sup>8</sup> (последний рассматривается К. Менгесом как общеалтайский аффикс собирательности, «возможно идентичный аффиксу тюркских разделительных числительных»<sup>9</sup>). Приблизительно та же мысль была высказана Д. Синором, который в отличие от Н. Поппе полагал, что образование аффикса *-лар* из *-л* и *-р* происходило не на тюркской почве (поскольку тот и другой в отдельности неизвестны тюркским языкам) и что, таким образом, аффикс *-лар* не является тюркским по происхождению<sup>10</sup>. С выводом Д. Синора в определенном смысле согласуется заключение П. Аальто о заимствовании тюркского *-лар* и монгольского *-nar* из китайского языка<sup>11</sup>.

По поводу приведенных попыток этимологизации аффикса *-лар* сделаем следующие замечания: 1) якут. *nār* «порядок», «соответствие» восходит к монг.-п. *naḡir* «согласие, гармония»<sup>12</sup> и, следовательно, не может служить основой для реконструкции монгольской праформы *\*nar* «совокупность»; 2) отсутствие удовлетворительной тюркской этимологии аффикса *-лар* — недостаточно убедительное свидетельство его нетюркского происхождения. Ничто не мешает считать *-лар* собственно тюркским аффиксом, не поддающимся в настоящее время этимологизации; 3) механическое членение морфем на фонеми и сопоставление последних в границах произвольно выбранного языкового ареала (алтайского, урало-алтайского или ностратического) не обеспечивает строгой достоверности выводов. Дело в том, что в алтаистической интерпретации почти все согласные тюркских языков (*л, р, н, с, з, т, ш, к*) оказываются реликтивными показателями мн. числа, и благодаря этому существуют широкие возможности для выявления морфологических параллелей в других языках. Лишь в одном английском языке могут быть обнаружены три «общих» с тюркскими языками аффикса мн. числа: *s, n, z*.

На наш взгляд, имеются убедительные факты, свидетельствующие о заимствовании монгольского аффикса *-nar* из тюркских языков, что считал необходимым отметить еще М. А. Кастрен<sup>13</sup>. Как указывал С. А. Ко-

<sup>7</sup> Г. И. Р а м с т е д т, Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 59.

<sup>8</sup> Н. Р о р р е, Plural suffixes in the Altaic languages, UAJb, XXIV, 3—4, 1952, стр. 73, 75.

<sup>9</sup> К. Н. M e n g e s, The Turkic languages and peoples, Wiesbaden, 1968, стр. 111.

<sup>10</sup> Д. S i n o r, On some Ural-Altaic plural suffixes, «Asia Major», New Series, II, pt. 2, 1952, стр. 226—228.

<sup>11</sup> P. A a l t o, Altaistica. II — The suffixes *-lar, -nar, -lär*, StO, XVII, 7, 1952, стр. 15, 16.

<sup>12</sup> См.: «Словарь якутского языка», сост. Э. Р. Пекарский, II, 1927, стр. 1680. См. также: S. K a l u z y ŋ s k i, Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache, Warszawa, 1961, стр. 37.

<sup>13</sup> М. А. C a s t r é n, Versuch einer burjätischen Sprachlehre, SPb., 1857, стр. 11.

зин, употребление аффикса *-nar* в древнемонгольском языке было предельно ограниченным, наблюдалось «лишь в трех-четырех случаях» и в XIII в. «не получило еще должного развития, представляя сравнительно позднюю формацию»<sup>14</sup>. При этом в XIV—XV вв. у западных монголов, подвергшихся, как известно, сильному ассимилятивному воздействию тюрков, очень часто употреблялся аффикс *-lar* в именных и глагольных формах, см. Сл. Замахшари, II: *kibeler* «делали» (100), *asaqbalar* «спрашивали» (106), *eriltüler* «просьбы» (164), *keleldübelér* «беседовали» (214). К аффиксу *-nar* в монгольских языках присоединяются другие аффиксы мн. числа, например: монг.-п. *lamanarud* «ламы»<sup>15</sup>. Подобные явления обычно имеют место лишь при отсутствии четкого восприятия значения морфологического элемента.

Наконец, обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в тюркских языках аффикс *-lar* — единственный общераспространенный показатель мн. числа на протяжении всей письменной истории их. Монгольские языки располагают значительно большим количеством аффиксов, выражающих мн. число. Древнейшие из них — *-t* (*-d*), *-ut* (*-ud*), *-s*, *-nuγud*, *-in*<sup>16</sup>. Кстати, Б. Я. Владимирцов, говоря о наличии в монгольских языках множества лексических и морфологических заимствований из тюркских и других языков, ссылался для подтверждения своей мысли на обилие в них форм мн. числа<sup>17</sup>.

Что касается перехода начального *л* в *н*, то для монгольского письменного языка или для древнемонгольского языка он вполне допустим, ср.: монг.-п. *načın* «сокол» (< др.-тюрк. *lačın* < ?), *nojon* «нойон» (< кит. *лао-йе*). Впрочем, этот переход мог произойти и не на монгольской почве: во многих тюркских языках после основ на *м*, *н*, *ң* рассматриваемый аффикс выступает с начальным *н*.

I, 2. Аффикс *-сэм* известен только чувашскому языку. При этом в низовом диалекте он не подчиняется небной гармонии, а в говорах верхового диалекта имеет несколько вариантов, — ср.: *-сам* ~ *-сэм* (сундырский, средний, моргаушский говоры), *-сён* ~ *-сён* (говор с. Ковали)<sup>18</sup>.

Происхождение *-сэм* до сих пор остается неясным. Н. И. Ашмарин возводил его к слову *сан* «число»<sup>19</sup>, Г. Рамстедт — к слову *сајін* «каждый» (*күйн сајін* «каждый день») <sup>20</sup>, образованному от общего с *сан* корня — *са-* «считать». В. Котвич видел в нем сочетание аффикса мн. числа *\*-с* с дополнительным компонентом *н*<sup>21</sup>, О. Прицак — сочетание двух общеалтайских показателей мн. числа (*\*-са* ~ *\*-сә* и *\*-ін*)<sup>22</sup>, тогда как

<sup>14</sup> С. А. Козин, К вопросу о показателях множественности в монгольском языке, «Уч. зап. [ЛГУ]». Серия филолог. наук, 10, 1946, стр. 122—123.

<sup>15</sup> См.: Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, I, М., 1953, стр. 134.

<sup>16</sup> См.: С. А. Козин, указ. соч., стр. 122.

<sup>17</sup> Б. Владимирцов, Турецкие элементы в монгольском языке, ЗВО РАО, XX, 2—3, 1911, стр. 181.

<sup>18</sup> См.: Т. Я. Чуркин, Опыт изучения чувашских говоров Сундырского района. Автореф. канд. диссерт., Л., 1950, стр. 13; А. С. Каянкова, Чувашская диалектология, Чебоксары, 1965, стр. 62—63; Л. П. Сергеев, Основные особенности моргаушского говора, «Материалы по чувашской диалектологии», I, Чебоксары, 1960, стр. 156; его же, Урмарский говор чувашского языка. Автореф. канд. диссерт., М., 1965, стр. 16.

<sup>19</sup> Н. И. Ашмарин, Материалы для исследования чувашского языка, ч. I—II, Казань, 1898, стр. 150—151; J. Benzing, Das Tschuwaschische, «Philologiae Turcicae fundamenta», I, Wiesbaden, 1959, стр. 722.

<sup>20</sup> Г. И. Рамстедт, указ. соч., стр. 61. По мнению Г. И. Рамстедта, в чувашском языке в качестве показателя мн. числа употреблялся еще аффикс *\*-вәк* < *бәвәк* «часть, подразделение».

<sup>21</sup> W. Kotwicz, указ. соч., стр. 25, 26.

<sup>22</sup> O. Pritsak, Tschuwaschische Pluralsuffixe, «Studia Altaica», Wiesbaden, 1957, стр. 150.

Н. А. Андреев отнес его к числу аффиксов, заимствованных из нетюркских языков <sup>23</sup>.

И, з. В 1884 г. Б. Мункачи высказал предположение о существовании в древнетюркском языке формы мн. (~ двойств. ?) числа на -з <sup>24</sup>. Позднее Г. Рамстедт выделил аффикс -з в слове *köküz* «грудь» <sup>25</sup>, а В. Банг — в группе слов, обозначающих парные предметы, живые существа и части тела: *ikiz* «двойня», *bäniz* «лицо», *омуз* «плечо», *абіз* «рот» <sup>26</sup>. В дальнейшем этот список был расширен за счет включения в него слов *köz* «глаз», *тіз* «колени», *буінуз* «рог», *јодаз* «голень», *јүчіз* «тройня». Предположение Б. Мункачи было воспринято, таким образом, как нечто очевидное и, так или иначе, отразилось в большом количестве работ <sup>27</sup>. В обосновании его важную роль сыграло наличие соотносительных форм личных местоимений, а также именных и глагольных форм 2-го лица ед. и мн. числа, различающихся компонентом (і)з, ср.: *мэн* «я» — *біз* «мы», *сэн* «ты» — *сіз* «вы»; *бардїң* «ты пошел» — *бардїңіз* «вы пошли».

Хотя три четверти века, прошедшие со времени опубликования упомянутой выше работы Б. Мункачи, значительно увеличили объем фактов, которыми оперируют тюркологи, ничего нового, проливающего свет на историю вновь открытой формы, не появилось. Стали лишь более категорическими некоторые заключения, и сама гипотеза приобрела явно алтаистическую окраску. Так, например, Д. Синор поставил тюрк. \*-з в один ряд с монг. -с, тунг. и уральск. -р и решительно заявил, что \*-з — единственный собственно тюркский аффикс мн. числа, все остальные, включая аффикс -лар, заимствованы из других языков <sup>28</sup>.

Тем не менее, как бы это ни казалось парадоксальным, пока нет никаких оснований говорить о существовании аффикса двойств. или мн. числа -з ни в древнетюркском языке, ни в тюркском праязыке.

Прежде всего, обратим внимание на то, что з прослеживается в словах, обозначающих парные предметы или части тела, не чаще, чем в словах, не имеющих подобных значений, см.: др.-тюрк. *каз* «гусь», *кїз* «девочка», *өз* «сам», *аз* «мало», *саз* «болото», *коз* «орех», *күз* «осень», *буз* «лед», *сөз* «слово», *јүз* «сто», *тоз* «пыль», *тоз* «береста», *төз* «корень», *туз* «соль»,

<sup>23</sup> Н. А. Андреев, Аффиксы чувашского языка. Категория множественности и аффиксы множественности в чувашском языке, «Записки [НИИЯЛИ при Совмине Чувашской АССР]», VI, 1952, стр. 183. Ср. предположение о возможной связи чувашского -сэм с камасинским -саң (D. S i n o r, указ. соч., стр. 225).

<sup>24</sup> «Budeniz-Album», Budapest, 1884. См. также: B. M u n k a c s i, [реп. на кн.:] W. B a n g, Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen, KSz, XVIII, 1918/1919, стр. 125 и сл.

<sup>25</sup> G. J. R a m s t e d t, Ueber mongolische Pronomina, JSFOu, XXIII, 3, 1904, стр. 20.

<sup>26</sup> W. B a n g, Beiträge zur türkischen Wortforschung, «Türán», Budapest, 1918, 5, стр. 307—310.

<sup>27</sup> См.: L. L i g e t i, Die Herkunft des Volksnamens Kirgis, KCsA, I, 5, 1925, стр. 375, 381—383 (Л. Лигети выделяет аффикс \*-з в этнонимах *kırğız* и *огуз*); W. K o t w i c z, указ. соч., стр. 13, 14; Н. К. Д м и т р и е в, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 221; е г о ж е, Категория числа, стр. 67, 68; О. Р r i t s a k, указ. соч., стр. 138, 139; A. v. G a b a i n, Altürkische Grammatik, Leipzig, 1950, стр. 64, 85; M. R ä s ä n e n, Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, Helsinki, 1957, (StO, XXI), стр. 55 (М. Рясänen восстанавливает тюркскую праформу в виде \*р'); A. S a f e r o ğ l u, Türk dili tarihi, I, İstanbul, 1958, стр. 135; А. Д ж. А л и з а д е, Категория числа в азербайджанском языке (на материале письменных памятников XIV—XIX веков). Автореф. канд. диссерт., Баку, 1966, стр. 18, 19; Н.-Р. V i e t z e, Plural, Dual und Nominalklassen in altaischen Sprachen, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin», Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, XVIII, 3, 1969, стр. 485.

<sup>28</sup> D. S i n o r, указ. соч., стр. 220, 221, 229. В рецензии на эту статью Н. Поппе высказывается против сопоставления тюркского з с монгольским с (FuF, XXXI, 1—2, Helsinki, 1953, стр. 29).

уз «искусный», *jaз* «весна» и т. д. С другой стороны, слова, обозначающие явно парные предметы или части тела, не включают в себя *з* и не обнаруживают его следов, см.: др.-тюрк. *kaш* «бровь», *kol* «рука», *ajak* «нога», *кулак* «ухо», *эрин* «губа», *эгин* «плечо», *опка* «легкое», *jan* «бок», *jarin* «лопатка», *тирсак* «локоть», *јаңак* «щека». В слове *ик(к)из* «двойня» значение двойственности — парности выражено самой основой — числительным *икки* «два» (ср. турецк. *üçüz* «тройня»); что же касается *з*, то это, очевидно, утративший продуктивность аффикс именного словообразования, подобный тому, который вошел в состав форм субъективной оценки: *кичигаз* «маленький» (от *кичиз*), *јајчйаз* «луна» (от *јајчик*)<sup>29</sup>.

Особого объяснения требует конечный *з* в личных местоимениях мн. числа. Нельзя сказать с уверенностью, что местоимения 1 и 2-го лица ед. числа имеют общие корни с местоимениями 1 и 2-го лица мн. числа, так как в них выступают разные гласные, ср.:

|        | «Я»        | «МЫ»       | «ТЫ»       | «ВЫ»        |
|--------|------------|------------|------------|-------------|
| татар. | <i>мйн</i> | <i>биз</i> | <i>син</i> | <i>сиз</i>  |
| тув.   | <i>мэи</i> | <i>бис</i> | <i>сэи</i> | <i>сис</i>  |
| уйг.   | <i>мәи</i> | <i>биз</i> | <i>сәи</i> | <i>сиз</i>  |
| хакас. | <i>мйн</i> | <i>нис</i> | <i>син</i> | <i>срэр</i> |

Различие между теми и другими настолько регулярное и настолько очевидное, что ни о каком «случайном расхождении» не может быть и речи. Кроме того, как справедливо заметил О. Бётлингк, «мы» не есть множество «я», и термин «форма мн. числа» здесь неуместен<sup>30</sup>. Характерно, что в тюркских языках есть форма *сэнләр*, форма же *мэиләр* в значении мн. числа отсутствует. Структурно-фонетическое сходство личных местоимений, наблюдаемое во многих языках, образовалось в результате процессов, далеко выходящих за пределы праязыкового состояния, и оно не дает оснований для историко-морфологического анализа их. Попутно напомним об интересной гипотезе О. Бётлингка, поддержанной В. В. Радловым, согласно которой *з* в местоимениях 1 и 2-го лица мн. числа объясняется как элемент, образовавшийся вследствие стяжения местоимения 2-го лица ед. числа \**си* «ты»: *биз* «мы» < *би* «я» + *си* «ты», *сиз* «вы» < *си* «ты» + *си* «ты»<sup>31</sup>. К сожалению, и эта гипотеза обходит молчанием причину различия гласных.

С существованием соотносительных форм личных местоимений, различающихся компонентом (*й*)*з*, тесно связано наличие соотносительных именных и глагольных форм 2-го лица ед. и мн. чисел, так как (*й*)*н* и -(*й*)*н**из*, являющиеся аффиксами принадлежности, восходят к личным аффиксами, в конечном счете, к личным местоимениям. Конечно, это не означает, что аффикс -(*й*)*н**из* обязательно должен был развиваться из одного аффикса-*сиз*. Будучи сложным, он, очевидно, включал в себя первоначально и -*син* (ср. кирг. *бардйсиң* «ты пошел», *кэлдйсиң* «ты пришел»<sup>32</sup>; турецк. *görüyor sunuz* «вы видите»; татар. диалект. *тйңлйјсйз* «вы слушаете»<sup>33</sup>) и

<sup>29</sup> См.: С. Brockelmann, Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratur-sprachen Mittelasien, Leiden, 1951—1954, стр. 142.

<sup>30</sup> О. B ö h t l i n g k, Über die Sprache der Jakuten, StPb., 1851, стр. 168.

<sup>31</sup> См.: О. B ö h t l i n g k, Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasembek's türkisch-tatarischer Grammatik..., «Bull. de la Classe historique, philologique et politique de l'Académie Imp. des sciences de St.-Petersbourg», V, 21, 1848, стр. 336; е го же, Über die Sprache der Jakuten, стр. 168.

<sup>32</sup> См.: И. С у я р о в, Шахс олмошларининг этимологияси ҳақида, «Ўзбек тили ва адабиёти», 1964, 2, стр. 34. Приведенные И. Суяровым примеры требуют дополнительной проверки.

<sup>33</sup> См.: Г. К. Я куп о в а, Описание некоторых морфологических особенностей языка татар, расположенных по реке Зай (Татарская АССР), «Вопросы диалектологии тюркских языков», II, стр. 140.

-сиз. И хотя чисто формальная реконструкция праформы для  $-(i)ñiz$  (\*-сiñсiз) кажется логически невероятной, поиски прототипа  $-(i)ñiz$  следует вести именно в этом направлении.

1, 4. Следующий аффикс мн. числа, выделяемый тюркологами, и в особенности алтаистами, в древнетюркском и некоторых современных тюркских языках — *-т*. Однако древнетюркские формы *тэгіт* «принцы» и *таркат* «тарханы», в которых констатируется наличие данного аффикса, для тюрков, как указывал П. М. Мелиоранский<sup>34</sup>, неразложимы: нет никаких оснований считать *тэгі* или *тарка* реально существовавшими в тюркских языках формами ед. числа. Соотношение же форм ед. и мн. числа типа *тэгин* — *тэгіт*, *таркан* — *таркат* — необычное и, более того, совершенно недопустимое для тюркских языков. Приведенные формы, форма \**түркүт* «тюрки», восстанавливаемая с учетом данных китайских источников<sup>35</sup>, а также татар. *нарат* «сосна», якут. *эрэт* «мужчины», *хотут* «сборище женщин» (ср.: монг.-п. *qatun* — *qatut* «супруга» — «супруги»), \**күрбүт* «девушки» (от *күрбүн*), \**уолат* «юноши» (от *уолан*), *тојот* «господа» (от *тојон*), \**нојот* «парни» (от *нојон*), \**добот* «друзья» (от *дотор*), \**кэргэт* «члены семьи» (от *кэргэн*), \**ојут* «шаманы» (от *ојун*), \**удабат* «шаманки» (от *удабан*) являются монгольскими или образованы по моделям монгольских языков<sup>36</sup>. Не случайно к подобным формам в тюркских языках присоединяется аффикс *-лар* (~-тар...): др.-тюрк. *тэгітләр* «принцы» (Uig. III 42<sub>24</sub>); якут. *эрэттэр*, *хотуттар*, *күрбүттэр* и т. д.

Иного происхождения формы на *-ат* в «Бабур-наме»: *бэгіт* «беки» (46), *туманат* «туманы — подразделения» (60), *бөлікәт* «округи» (172), *бағат* «сады» (172), *аймакат* «аймаки» (191). Нельзя не согласиться с К. Брокельманом, что в этом случае мы имеем дело с арабским аффиксом, перенесенным через посредство персидского языка в староузбекский<sup>37</sup>. Ср. ст.-турецк. *авават* «аги»<sup>38</sup>.

Не являются собственно тюркскими и такие формы, как *алтабұт*<sup>39</sup> «герои; знатные лица» (МК III 422; Uig. III 65<sub>8</sub>), *бајабұт* «богачи» (TTVI<sub>прим.11</sub>; Uig II 36<sub>37</sub>), *уруңутлар* «предводители» (Tiš 20 b<sub>4</sub>), *тавишут* «стихи» (Kuan<sub>172</sub>)<sup>40</sup>, характерные главным образом для буддийских текстов.

1, 5. В числе аффиксов мн. числа тюркологи называют также *-(а)н*, ср. у К. Грөнбека: *облан* «юноши», *эрән* «муж», *бодун* «народ», *күркүн* «девушки»<sup>41</sup>. А. Габен дополнила этот список словом *örtän* «огни», но сопровождала весь параграф знаком вопроса, так как значение мн. числа для них не считает окончательно установленным<sup>42</sup>. Д. Синор привел,

<sup>34</sup> П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, ЗВО РАО, XII, 2—3, СПб., 1899, стр. 80. См. также: А. v. G a b a i n, указ. соч., стр. 85.

<sup>35</sup> N. P o r r e, Plural suffixes in the Altaic languages, стр. 68.

<sup>36</sup> См.: Л. Н. Х а р и т о н о в, Современный якутский язык, ч. 1, Якутск, 1947, стр. 102, 103. См. также: Г. А. Н и к и ф о р о в, Об аффиксе множественного числа *-т* в якутском языке, «Труды ИЯЛИ [Якутского филиала СО АН СССР]», 4 (9), 1963; М. С. В о р о н к и н, Грамматические особенности говора есейских якутов, там же, стр. 126; П. С. А ф а н а с ь е в, Говор верхоянских якутов, Якутск, 1965, стр. 140 (*йалаттар* «соседи», *күблэстэр* «озера», *кылаттар* «звери»).

<sup>37</sup> C. B r o c k e l m a n n, указ. соч., стр. 151.

<sup>38</sup> J. D e n y, Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli), Paris, 1921, стр. 156.

<sup>39</sup> См.: А. v. G a b a i n, указ. соч., стр. 63.

<sup>40</sup> Н. П о п п е включает в эту группу и слово *урабұт* «женщина», морфологический состав которого не ясен (N. P o r r e, Plural suffixes in the Altaic languages, стр. 69).

<sup>41</sup> К. G r ö n b e c h, указ. соч., стр. 58, 66—68. См. также: А. Н. К о н о н о в, Показатели собирательности-множественности в тюркских языках, Л., 1969, стр. 15—18.

<sup>42</sup> А. v. G a b a i n, указ. соч., стр. 61.

кроме того, *kirkun* (китайское наименование кыргызов) и *kopan* «все»<sup>43</sup>. Употребление аффикса *-(a)n* в древнетюркском языке засвидетельствовано в XI в. Махмудом Кашгарским в словах *облан* и *эрян* (МК I 74) и, несколько позднее, Абу-Хайяном — в слове *эрян*<sup>44</sup>, причем Махмуд Кашгарский воспринимал указанные образования как необычные, находящиеся «не в соответствии с правилом; по правилу признак множественного числа -лар» (МК I 35).

Если наличие аффикса мн. числа *-(a)n* в словах *бодун*, *өртән*, *kirk-kin*, *kopan* является предметом споров и даже отрицается некоторыми тюркологами (последние склонны видеть в составе *бодун* и *өртән* аффиксы именного словообразования *-ун* и *-ән*, а в *kopan* — омертвевший аффикс орудного падежа; слово *kirkkin* не поддается морфологическому членению на *kirk-* и *-in*), то присутствие его в словах *облан* и *эрян* обычно не вызывает сомнений.

Пока трудно дать окончательный ответ на вопрос о том, какова природа словоформ *облан* и *эрян* в тюркских языках, все же предположение А. Г. Гулямова, что «слова *ублон*, *ёрон*, *эрон*, *боён*» включают в себя персидский аффикс мн. числа<sup>45</sup>, может служить основой для дальнейших поисков. То обстоятельство, что слово *облан* зафиксировано в текстах рунической письменности, не обнаруживающих прямых следов персидского влияния, затрудняет принятие гипотезы А. Г. Гулямова, тем не менее, само по себе оно не доказывает ее несостоятельности. Заметим в связи с этим, что персидский аффикс мн. числа присутствует в древнетюркском *türkän* «тюрки» (QBN 20<sub>11</sub>, 21<sub>1</sub>)<sup>46</sup>, староузбекском *калмакан* «калмыки» (ШН 123) и в ряде форм старотурецкого языка: *мэб'усан* «депутаты», *забитан* «офицеры», *шагирдан* «ученики», *жэничэрижан* «янычары»<sup>47</sup>.

I,6. Еще один аффикс мн. числа (resp. Kollektiva), *-gün*, К. Грэнбек пытался обнаружить в словах *кэлигүн* (*кэлин-гүн*) «невестки», *инигигүн* (*ини-ji-gün*) «младшие братья»<sup>48</sup>, встречающихся в орхонских надписях. И эту попытку нельзя считать успешной, так как нет достаточной уверенности в том, что приведенные слова являлись формами мн. числа. Весьма вероятно, что *кэлигүн* — форма уменьшительности, а *инигигүн* — композитное образование, состоящее из слов *ини* и *жэгүн*.

I,7. По мнению Г. Рамстедта, в тюркском праязыке аффиксом мн. числа был также *\*-с*, являющийся составной частью аффикса принадлежности 3-го лица *-сi*. Вначале, как полагает он, *-i* выражал принадлежность в единственном числе, а *-сi* во множественном<sup>49</sup>, позднее это различие утратилось: каждый из них стал выражать и то и другое значение. Таким образом, для одного из этапов истории тюркских языков устанавливается семасиологическое тождество форм типа *абасi* (*аба-с-i*) с формами типа *абаларi* (*аба-лар-i*) «их (его) старшие братья».

Хорошо известно, что во всех современных и древних тюркских языках использование двух вариантов формы принадлежности 3-го лица обу-

<sup>43</sup> D. Sinor, указ. соч., стр. 208, 210.

<sup>44</sup> Н. А. Расулова, Исследование языка «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак» Абу-Хайяна. Автореф. канд. диссерт., Ташкент, 1969, стр. 9.

<sup>45</sup> А. Г. Гуломов, указ. соч., стр. 38—42. В недавно опубликованной статье А. Г. Гулямов относит *-(a)n* в *облан* и *эрян* к числу морфем, выражавших первоначально значения субъективной оценки (А. Г. Гуломов, Республика олий мактабларига ўзбек тилшунослиги дисциплиналари, «Ўзбек тили нуқт маданияти масалаларига бағишланган республика тилшунослик конференцияси», Тошкент, 1969, стр. 54).

<sup>46</sup> См.: Э. Фазылов, Материалы по истории узбекского языка, сб. «Вопросы тюркологии», Ташкент, 1965, стр. 95.

<sup>47</sup> См.: J. Deny, указ. соч., стр. 156.

<sup>48</sup> K. Grönbach, указ. соч., стр. 58.

<sup>49</sup> G. Ramstedt, Ueber mongolische Pronomina, стр. 19, 20. См. также. W. Kotwicz, указ. соч., стр. 23; O. Pritsak, указ. соч., стр. 141, 142.

словлено различием фонетических условий, иными словами, указанные варианты находятся в отношении дополнительной дистрибуции: *-i* присоединяется к основам на согласный, *-ci* — к основам на гласный, и нет никаких данных, которые позволяли бы думать, что в тюркском праязыке причина двухвариантности аффикса принадлежности была иной. В. А. Богородицкий, резко выступивший против «фонетического» решения проблемы с и сопоставивший его с «элементом с, встречающимся в глагольных аффиксах будущего времени спряжения с отрицанием...», заметил, между прочим, что «эпоха когда-то любимых объяснений посредством всевозможных вставочных звуков уже отошла в прошлое»<sup>50</sup>. Разумеется, не все согласные, находящиеся в особых фонетических условиях, являются «вставочными», и нельзя не согласиться с тем, что в прошлом обращение к «вставочным» звукам нередко становилось приемом, позволявшим избегать решения трудных задач, тем не менее, сам факт существования так называемых вставочных звуков бесспорен. К. Менгес, также отрицательно относящийся к возможности объяснения *-ci* как фонетически обусловленного варианта *-i*, указывает, что «зияние» в тюркских языках устраняется только посредством *j* и изредка *ɟ*, *ɞ*<sup>51</sup>. Однако, кроме *j*, *ɟ* и *ɞ*, в этой роли выступают *p*, *ш*, например: уйг. *палтору* «его пальто», *кинору* «его кино», *дунҗарі* «его мир», *тохору* «его курица»; ст.-узб. *іккішәр* (*іккі-ш-әр*) «по два», *алтйшар* (*алтй-ш-ар*) «по шести», и, следовательно, «репертуар» тюркских интервокальных протез не такой уже ограниченный, как может показаться на первый взгляд. Не отрицая правомерности поисков много, «нефонетического», решения проблемы с в аффиксе принадлежности 3-го лица, мы хотели бы все же подчеркнуть, что отнесение его к числу реликтовых аффиксов мн. числа — оригинальная, но ничем не обоснованная догадка.

В одной из своих последних работ Г. Рамстедт привел в качестве примера на *-с* в значении мн. числа др.-тюрк. *йшбарас*<sup>52</sup> — название титула, должности (< скр. *īśvara* + *-s*<sup>2</sup>), встречающееся один раз в надписи Муюн-чура.

Подводя итог изложенному выше, мы реконструируем на уровне тюркского праязыка двучленную парадигму морфем числа, в которой первый член характеризуется отсутствием материального выражения, а второй представлен одним аффиксом *-лар*.

II.1. В древних и современных тюркских языках форма без специального морфологического показателя имеет значение неопределенной или совокупной множественности, ср.: др.-тюрк. *кэҗік іҗјү табйшан*; *іҗјү* «питаюсь оленями и зайцами» (Тонҗ), ст.-узб. *чунчук бэзгәк болҗандур* «у воровьев бывала лихорадка» (БН 5); турецк. *бабамін ікі мэракі варді: куш вэ чічэк* «у моего отца были две страсти: птицы и цветы»<sup>53</sup>; шорск. *ол кој кадарді* «он пас овец». В современных тюркских языках указанная форма нередко выражает значение единичности: ног. *үҗдөн ийктім арбаға міндім* «я вышел из дома, сел в телегу»; турецк. *капі вурулду гэнч адам пэніэрэддэн дөндү* «в дверь постучали, молодой человек отвернулся от окна»; шорск. *апшій козан аңнапча* «старик охотился на зайцев».

Для формы с аффиксом *-лар* также характерно прежде всего значение неопределенной или совокупной и затем, членимой множественности, см.: ног. *бу кімнің јәкларі* «это чьи лошади?»; турецк. *бүтүн окудубум кітаплар* «все прочитанные мною книги», *бэн-дэ сэні јанакалардан өнз-іҗім* «и я поцелую тебя в твои щеки». Значение же единичности у этой фор-

<sup>50</sup> В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 162.

<sup>51</sup> К. Н. Menges, указ. соч., стр. 114.

<sup>52</sup> Г. И. Рамстедт, указ. соч., стр. 57.

<sup>53</sup> Пример взят из кн.: А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, стр. 67.



мы связано главным образом с выражением почтительного отношения, возвеличения, ласкательности и иронии, например: узб. *этамла(р)* «мой отец», *буви́мнің эрларі* «муж моей бабушки»; якут. *күннэрим* «мое солнышко», *аттарым* «моя лошадушка»<sup>54</sup>. Форма на *-лар* от имен существительных, обозначающих вещество, материал, состояние и т. п., передает особый оттенок экспрессивности (у Ж. Дени — «*pluriel d'exagération ou d'amplification*»): башк. *аҗидәлдәр аша ук аттәм* «я метнул стрелу через реки Белые» (resp. «...через реку Белую»)»<sup>55</sup>; гаг. *каннар акіј* буквально «крови текут»<sup>56</sup>; татар. *чәйләр ичтәм* «я пил чай»; турецк. *хастајі гүншләрдә эздірмәк* буквально «прогуливать больного на солнце», *канлара бојамак* буквально «окраситься кровями», *топракларда јатмак* буквально «лежать в землях»<sup>57</sup>. Частным случаем развития значения аффикса *-лар* является его семантическое обособление и функционирование как словообразовательного элемента, выделяющего одну из групп наречий, или в качестве предикативного члена. Примеры: ст.-узб. *кәчәйләр* «по ночам», *кйшлар* «зимой»; хакас. (качин.) *пу бллар городтаңнар* «эти парни из города», *пйс оларниң улубларибістар* «мы старше их»<sup>58</sup>.

Местоимен~~ия~~ с аффиксом *-лар* чаще всего воспринимаются как формы вежливости, количественные числительные или существительные, находящиеся в сочетании с ними, — как формы, выражающие приблизительность, а наречия и дееспричастия — как формы интенсивности. Примеры: башк. *сәбәт биштәрдә* «часов в пять»; казах. *сағат тоғыздарда* «часов в девять»; турецк. *отуз јашларında* «[человек] лет тридцати»; ст.-узб. *бурунлар* «прежде», *соңралар* «после», *эмдиләр* «теперь», *андалар* «там»; узб. *сізлар* «вы», *уч кунлар* «дня три», *эллİK јілар* «лет пятьдесят», *аллакачәнлар* «когда-то», *шунчалар* «столько», *кўплар* «много», *карамајлар* «без оглядки», *курплар кәссін* «пусть сохнет»<sup>59</sup>. Вместе с тем числительные (при субстантивации) и местоимения могут выступать и как формы собственно мн. числа, причем для местоимений 1 и 2-го лица присутствие аффикса *-лар* (иногда в удвоенном виде) является обязательным лишь в некоторых тюркских языках, например, алт. *сләр*, зап.-сиб. татар. *сісләр*, тоф. *сіләр*, тув. (диалект.) *сіләрләр* «вы»; зап.-сиб. татар. *пйсләр*, тув. (диалект.) *бістәрләр* «мы»<sup>60</sup>, для местоимения же 3-го лица — во всех языках, ср.: алт. *олор*, башк. *улар*, зап.-сиб. татар. *уллар*, салар. *вуләр*, ст.-узб. *алар*, тув. *олар*, тув. (диалект.) *оларлар*, шорск. *ілар* ~ *лар*, вост.-турк. *анлар*. Несколько необычно использование количественных числительных с аффиксом *-лар* в якутском языке при так называемом штучном отсчете (применительно только к живым существам): *бірдэр* «один», *иккілэр* «два», *үстэр* «три», *түөрттэр* «четыре»<sup>61</sup>.

Чувашская форма с аффиксом *-сэм* по своему содержанию в значительной мере совпадает с формой на *-лар*, ср.: *хуласэм* «горожане», *иккёсёнчэ* «приблизительно в два [часа]», *пйрённисэм* «мой муж» (буквально «нашинские»)»<sup>62</sup>.

<sup>54</sup> См.: Г. А. Никифоров, О значениях аффикса *-лар* в якутском языке. «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 140.

<sup>55</sup> См.: Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 220.

<sup>56</sup> См.: Л. А. Покровская, Грамматика гагаузского языка, М., 1964, стр. 109.

<sup>57</sup> См.: Ж. Дени, указ. соч., стр. 152, 153.

<sup>58</sup> См.: Д. Ф. Патачакова, указ. соч., стр. 11.

<sup>59</sup> См.: А. Ф. Фуломов, Узбек тилида кўплик категорияси, стр. 31; Я. Г. Гужаломов, Грамматика ташкентского говора, ч. I, Ташкент, 1968, стр. 21—24.

<sup>60</sup> В диалектах разных тюркских языков эти местоимения имеют большое количество вариантов, ср.: узб. *бізә*, *бізлә*, *бізәр* «мы», *сізә*, *сізлә*, *сізәр*, *сізәлә*, *сірэр* «вы».

<sup>61</sup> См.: Г. А. Никифоров, О значениях аффикса *-лар* в якутском языке, стр. 141.

<sup>62</sup> См.: J. Benzing, Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, ZDMG. XCVI, 3 (N. F. Bd. 21), 1942, стр. 424—428; Н. А. Андреев, указ. соч., стр. 176, 178, 180, 181.

II,2. В большом разделе монографии «Строй тюркских языков», посвященном формам собирательности и множественности<sup>63</sup>, К. Грөнбек обратил внимание тюркологов на то, что в орхонских надписях аффикс *-лар* используется редко, преимущественно в терминах родства. Наблюдая далее случаи употребления форм на *-лар* рядом с формами на *-гүн*, *-(ан)*, К. Грөнбек приходит к выводу, что аффикс *-лар* в древнетюркском языке выражал не число, а собирательность<sup>64</sup> и что различение ед. и мн. числа было чуждо его носителям. То, что в настоящее время рассматривается как множество, продолжает К. Грөнбек, воспринималось как некая нечленимая совокупность, как Genus («род») и именно Genus, совокупность, а не индивидуум, лежали в основе восприятия древними тюрками реальной действительности. В древнеуйгурском языке, как полагает К. Грөнбек, отразилось уже иное мировоззрение, и это объясняется главным образом тем, что уйгуры, оказавшись в Восточном Туркестане, столкнулись с «новой духовной культурой, европейской»<sup>65</sup>. Для нового мировоззрения характерно восприятие множества как совокупности отдельных индивидуумов. Точку зрения К. Грөнбека с некоторыми изменениями воспроизводит О. Прицак. Мн. число, указывает он, в древнетюркском языке выражалось только в пределах личных местоимений (?) *biz* «мы» (*bi-з*), *siz* «вы» (*ci-з*) и притяжательных форм, тогда как аффикс *-лар* передавал собирательность, и значение мн. числа развилось у него под влиянием индоевропейских языков Туркестана<sup>66</sup>.

Маловероятно, чтобы орхонские тюрки в VIII—IX вв. не могли воспринимать индивидуума самого по себе и рассматривали его как своего рода манифестацию нечленимой совокупности. Многие факты свидетельствуют о том, что степень осознания собственной индивидуальности или индивидуальности как таковой у древних тюрков была достаточно высокой. Напомним о нарочито подчеркнутом выделении личности и личных заслуг тюркских каганов, их советников и приближенных в памятниках рунической письменности.

Тщательное исследование древних и современных тюркских языков убеждает в том, что одной из отличительных особенностей их является максимальная экономия выразительных средств. Если, например, для русского языка употребление формы единственного числа имен в значении множественного допустимо в ограниченных размерах и иногда кажется несколько необычным, ср.: *вишня нынче крупная, заяц сейчас линяет, здесь разводят птицу, на второй делянке закончили посадку дуба*, то для современных тюркских языков это довольно распространенное явление, а для древних — почти норма. Там, где нет необходимости в специальном выражении мн. числа, аффикс *-лар* отсутствует. Почему, скажем, в узбекском языке возможно *бэлаларниң журағи* наряду с *бэлаларниң журакларі*? Потому, что множественность здесь, как справедливо замечает А. Г. Гулямов, является само собой разумеющейся<sup>67</sup>. Ведь мы хорошо знаем, что, например, в восточнотуркестанском, староузбекском или современном узбекском языках аффикс *-лар* представлен широко и выражает разнообразные значения и тем не менее в значении мн. числа часто выступают неоформленные имена, причем в таких случаях, которые для индоевропейских языков, как правило, недопустимы: вост.-турк. *ануң көзї көктўн көкрәк эрдї ануң сачї мўрән усубї-дәг ануң тїшї ўнїў-дәг*

<sup>63</sup> K. Grönbech, указ. соч., стр. 57—83.

<sup>64</sup> Там же, стр. 58. См. также: C. Brockelmann, указ. соч., стр. 150.

<sup>65</sup> K. Grönbech, указ. соч., стр. 61.

<sup>66</sup> O. Pritsak, *Das Altürkische*, «Handbuch der Orientalistik», V. Altaistik, 1. Abschnitt — Turkologie, Leiden — Köln, 1963, стр. 38.

<sup>67</sup> А. Ф. Фомов, *Ўзбек тилида кўплик категорияси*, стр. 17.

эрді (ЛОК 9) «ее глаза были голубее неба, ее волосы были подобны течению реки, ее зубы были словно жемчуг»; узб. *у сәкин-аста сәваја бәшладі јәкка турді* «он постепенно начал выздоравливать, встал на ноги». В подобных примерах присутствие аффикса *-лар* не исключено, см.: вост.-турк. *јәнчү тизигі-тәг көртлә тилләрі* (ТТ X<sub>450</sub>) «ее прекрасные зубы, подобные ожерелью из жемчуга», но не является обязательным, так как ясно, что речь идет не об одном глазе, не об одном волосе, зубе или ноге. Если бы имелся в виду один глаз, один волос, зуб или нога, то непременно были бы использованы уточняющие слова, ср. вост.-турк. *абам бір ада-кін сисар* (ТТ I<sub>189</sub>) «если он отломит одну из ножек»; *баһінтаһі бірәр әвин сачі анта мунта сачіләп* (ТТ X<sub>435</sub>) «волосы на ее голове рассыпались по одному во все стороны»; *әтүзінтәһі бір әвин түсіңә јәмә ада тудә тәгјүргәли увулуз әрмәләр* (Uig IV A<sub>259</sub>) «они не смогут также причинить вред ни одному волосу на телах [правителей из „рода“ бодисатв]»; *јәлтизіңә кәдгиріп сөгјүт бутікйіңә көзі тәгін бір көзі тәгилті* (ТТ III<sub>прим.71</sub>) «он наткнулся на корни [дерева], напоролся глазом на ветку и ослеп на один глаз». Эта же тенденция проявляет себя в языке орхонских надписей. Кстати, необходимо учитывать и своеобразие их содержания (надписи — эпитафии): повествование ведется одним лицом и в большей своей части является описанием походов и сражений, проведенных с его участием. Просмотр всего текста памятника в честь Кюль-тегина не обнаружил таких случаев отсутствия аффикса *мн. числа*, которые находились бы в резком противоречии с нормами современных тюркских языков.

Многочисленные факты, часть которых была приведена выше, свидетельствуют о том, что в древнетюркском языке и в тюркском праязыке единичность и множественность в плане содержания различались. С учетом средств выражения различение единичности и множественности у имен происходило в рамках противопоставления определенному (считаемому) числу неопределенного (совокупного) числа. И единичность и множественность являлись частными случаями определенного числа, противопоставлялись неопределенному числу и выражались посредством сочетания неоформленных имен с числительными и наречиями: *бір*<sup>68</sup> *таш* «один камень», *јүч таш* «три камня», *отуз таш* «тридцать камней», *алку таш* «все камни», *көп таш* «много камней». Неопределенное (совокупное) число выражалось вначале только неоформленными именами, а затем — и именами с аффиксом *-лар*. И, конечно, К. Грөнбек был прав, утверждая, что значение неопределенного (совокупного) числа или собирательности у аффикса *-лар* предшествует значению множественности. В восточнотуркестанском языке X—XIII вв. аффикс *-лар* стал использоваться и при выражении определенного числа, все же обычно он отсутствует. Нечто подобное наблюдается и в абсолютном большинстве современных тюркских языков, исключая караимских, в котором имена в сочетании с числительными постоянно присоединяют к себе аффикс *мн. числа -лар*<sup>69</sup>. Своеобразие последнего — результат длительного влияния на него славянских языков<sup>70</sup>.

Появление аффикса *-лар* как особого средства выражения неопределенного (совокупного) числа ускорило процесс развития у неоформленных имен

<sup>68</sup> С течением времени числительное *бір* «один» в сочетании с существительными стало выражать значение «некий, неопределенный», однако эта неопределенность не имеет отношения к числу. *Бір таш* — «некий камень», но определенно — «один камень».

<sup>69</sup> В караимском языке употребление аффикса *-лар* приобрело чрезвычайно большие размеры, ср.: *міллар* «усы», *кінтілар* «ножницы» (К. М. М у с а е в, Грамматика караимского языка, М., 1964, стр. 126).

<sup>70</sup> О влиянии славянских языков на караимский см.: Т. К o w a l s k i, *Karaimische Texte im Dialekt von Troki, Kraków, 1929, стр. XXXIII, XXXVIII*; К. М. М у с а е в, указ. соч., стр. 14 и сл.

значения единичности. Тем не менее, и в настоящее время оно не является единственным, и разграничение двух форм не всегда достаточно строгое. Как отмечал Т. Ковальский, иногда в совершенно одинаковых условиях ставится то неоформленное имя, то имя с аффиксом *-лар*, и там, где выбор между двумя формами подвержен колебанию, форма с аффиксом *-лар* воспринимается как более экспрессивная <sup>71</sup>.

Итак, первоначальное значение формы на *-лар* — неопределенное (совокупное) число — совпадает с первоначальным значением неоформленных имен. Это значение явилось исходным для развития всех других значений: множественности, интенсивности, приблизительности.

В заключение остановимся на вопросе соотношения значений неопределенного (совокупного) числа и собирательности. Значение собирательности в том смысле, в каком оно интерпретировалось исследователями русского языка (ср. у А. А. Потебни: «сплошное множество, понятое как единица...» <sup>72</sup>, у А. А. Шахматова: «собрание лиц или предметов, рассматриваемое как одно целое» <sup>73</sup>, у В. В. Виноградова: «совокупность лиц, предметов, мыслимых как коллективное или собирательное единство, как одно неделимое целое» <sup>74</sup>), может быть первичным, предшествующим появлению понятия раздельного множества, и вторичным, развившимся после его появления и в связи с ним. Так, *вишня* во фразе *вишня нынче крупная* передает собирательное значение первого типа, тогда как у слов *воинство*, *учительство*, *белье*, *дворня* более вероятно наличие собирательных значений второго типа <sup>75</sup>.

Обращаясь к русскому языку, мы отнюдь не утверждаем, что в нем употребление имен в ед. числе в значении совокупного или сплошного множества непременно предшествовало появлению собственно собирательных имен. Возможно, в подобных случаях ед. число имени является образом «сплошного множества», а единичный предмет или лицо служит символом множества предметов или лиц <sup>76</sup>, иначе говоря, имеет место стилистически мотивированное замещение одной формы другой (синекдоха), например, *зацвела вишня*, вместо *зацвели вишни* <sup>77</sup>. Материалы русского языка используются нами в целях более четкого и более наглядного показа различий между двумя типами собирательности в тюркских языках.

Исходное собирательное значение неоформленных имен и имен, оформленных аффиксом *-лар*, следует сопоставить с собирательностью первого типа в русском языке (совокупное или сплошное множество), а собирательное значение форм на *-лар*, образованных от собственных имен, географических названий, названий профессий, возрастных групп и т. д., — с собирательностью второго типа. Примеры: азерб. *Rüstamovlar* «Рустамов и члены его семьи» (ср.: *Rüstamovgil* <sup>78</sup>); карач.-балк. *Махмутлар* «Махмут со своими домашними»; казах. *Абайлар* «Абай и его спутники»; узб.

<sup>71</sup> Т. К о в а л с к и, Zur semantischen Funktion..., стр. 2, 11.

<sup>72</sup> А. А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, III, М., 1968, стр. 26.

<sup>73</sup> А. А. Ш а х м а т о в, Очерк современного русского литературного языка, Л., 1925, стр. 94.

<sup>74</sup> В. В. В и н о г р а д о в, Русский язык (Грамматическое учение о слове), М.—Л., 1947, стр. 156.

<sup>75</sup> Там же, стр. 157, 158.

<sup>76</sup> См.: А. А. П о т е б н я, указ. соч., стр. 25, 26.

<sup>77</sup> А. А. Потебня считал уместным вопрос о том, не синекдохична ли вообще любая собирательность, т. е. не идет ли любое собирательное значение от единичности (там же, стр. 29).

<sup>78</sup> А. А с л а н о в, Муасир азербайжан дилинде инкарлыг ва кәмијјәт категоријалары, Баку, 1963, стр. 73, 83. Об аффиксе *-gil* см.: А. С а м о й л о в и ч, О слове «гиль» «дом, семья» в наречиях переднеазиатских турков, «Ифетический сборник», III, М.—Л., 1925 (А. Н. Самойлович оценивает как неудачное сопоставление Ж. Дени форм типа *Rüstamovgil* с формами типа *törtküjü*); А. Д ж. А л и з а д е, указ. соч., стр. 19—21.

*jɯɯlar* «молодые, молодежь»; хакас. *ѳгрѳтѳлѳр* «учителя, учительство»; якут. *ѳрдѳлѳрдѳр* «эрделирцы», *ѳлѳѳѳѳмѳлѳр* «олекминцы».

Можно с уверенностью сказать, что во мн. числе сталкиваются разные языковые тенденции, и «в разнообразии употребления форм множественного числа, — как отмечает В. В. Виноградов, — выражается смысловое противопоставление разъединенного множества отдельных единиц и коллективной совокупности, или сплошной массы однородных предметов»<sup>79</sup>. У определенной категории слов, выделяющихся своеобразием лексической семантики, указанное противопоставление подвержено нейтрализации, и, таким образом, появление у них значения собирательности (resp. собирательности второго типа) представляется вполне естественным и закономерным.

Значение собирательности второго типа в отдельных тюркских языках развилось также у форм, не выражавших первоначально множественность и не отразивших в своем содержании упомянутых выше тенденций. См.: вост.-тюрк. *татлак* «таты» («татство»), *ѳтлак* «собаки»; караим. *караѳлѳх* «караймы» («караимство», ср. русск. «славянство»), *куллук* «рабы», *баѳатѳрлѳх* «богатыри»<sup>80</sup>.

<sup>79</sup> В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 166.

<sup>80</sup> Н. М. Мусаев, указ. соч., стр. 127.